

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 116**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 116 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 224 с.

ISBN 978-5-458-04764-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04764-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Этика Метерлинка.

I. Мѣсто Метерлинка въ наукѣ о нравственности.

Мнѣ уже не разъ приходилось высказывать ту мысль, что этическая проблема не есть проблема только теоретическаго разума ¹⁾. Ставя вопросъ о долгѣ, о назначеніи человѣка, мы вступаемъ въ такую область, гдѣ оказывается недостаточнымъ воспользоваться только данными опыта въ обычномъ смыслѣ этого слова, того опыта, который до сихъ поръ служилъ основаніемъ положительныхъ наукъ, и обработкой этого опыта средствами нашего логическаго мышленія. И притомъ недостаточными оказываются не только данныя внѣшняго опыта, который лежитъ въ основѣ наукъ о матеріальномъ физическомъ мірѣ, но и данныя опыта внутренняго, психическаго, поскольку онъ использованъ психологической наукой. Этотъ послѣдній опытъ уясняетъ намъ механизмъ нашихъ сознательныхъ переживаній, знакомитъ насъ съ ходомъ человѣческаго мышленія, съ процессомъ ощущенія и воспріятія, съ генезисомъ чувствованій и волевыхъ актовъ. Все это чрезвычайно важно для этики, но все это не вводитъ насъ въ ея предѣльные вопросы. На основаніи научныхъ данныхъ мы можемъ составить себѣ довольно удовлетворительное представленіе о томъ внѣшнемъ мірѣ, въ которомъ живетъ человѣкъ, которымъ онъ постепенно овладѣваетъ при помощи

¹⁾ См. въ особенности мою книгу „Нравственная личность и общество“ (1911 г.), стр. 1—49. См. также мою брошюру „Психологія женщинъ“ (1911 г.), стр. 30—39.

научного знанія, и который онъ можетъ все въ большей и большей степени использовать въ томъ направленіи, въ какомъ пожелаетъ. Мы составляемъ себѣ понятіе также и о тѣхъ потребностяхъ, которыя присущи человѣку, о томъ внутреннемъ механизмѣ, которымъ управляется его сознательная жизнь, о тѣхъ цѣляхъ, которыя ставятъ себѣ человѣкъ, о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при ихъ выполненіи, о тѣхъ коллизіяхъ, въ которыя онѣ вступаютъ между собою. Опираясь на эти данныя, мы можемъ уяснить себѣ, что именно люди называютъ счастьемъ, въ какой мѣрѣ возможно между ними согласіе по вопросу о содержаніи счастья, насколько счастье достижимо для нихъ и какими средствами обеспечивается наиболѣе прочное счастье. Мы можемъ также объяснить себѣ, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ происходила эволюція человѣческихъ воззрѣній на поведеніе и тѣхъ социальныхъ нормъ, которыми люди пытаются регулировать отношенія членовъ общества. Однимъ словомъ, эмпирическое знаніе очень много даетъ для разработки этическихъ вопросовъ, и нельзя представить себѣ этической системы, болѣе или менѣе удовлетворяющей современнаго человѣка, если она не построена на широкомъ базисѣ научныхъ данныхъ въ обычномъ смыслѣ этого слова.

И тѣмъ не менѣе, однихъ этихъ данныхъ недостаточно для разрѣшенія этической проблемы. Если бы даже ученые и философы пришли къ соглашенію, что счастье состоитъ въ жизни, соответствующей условіямъ человѣческой природы, поскольку она намъ извѣстна изъ фізіологическаго и психологическаго опыта, и такимъ путемъ установили нормы для осуществленія возможно болѣе прочнаго и широкаго счастья, то этическая проблема далеко не была бы разрѣшена. Во-первыхъ, никакая эвдемонистическая этика не можетъ намъ въ достаточной степени объяснить тотъ императивный характеръ, который присущъ нравственному сознанію человѣка. Всѣ ея предписанія всегда будутъ условны. Они обязательны для человѣка лишь настолько,

насколько онъ хочетъ своего счастья и притомъ именно въ смыслъ счастья возможно болѣе прочнаго и широкаго по содержанію. Но никого нельзя обязать искать своего счастья, и всѣ рецепты эвдемонизма становятся излишними, если человѣкъ заявляетъ, что онъ не дорожитъ своимъ счастьемъ или же предпочитаетъ прочному и широкому счастью, рекомендуемому ему моралистами, счастье какого-нибудь захватывающаго момента, хотя бы и мимолетное и очень грубое. Точно такъ же можно отнести и къ общему благу, которое иногда полагается въ основу эвдемонистической этики. Вѣдь и оно обязательно лишь въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ убѣжденъ, что зачѣмъ-нибудь нужно самое человѣчество со всѣмъ его благополучіемъ и счастьемъ. На всѣ совѣты отдать свою жизнь на служеніе людямъ и человѣчеству въ цѣломъ, посвятить себя созданію благополучія человѣческихъ массъ, можно отвѣтить вопросомъ: а какую же цѣнность имѣетъ человѣчество и почему его существованіе и благополучіе я долженъ ставить выше своего собственнаго и вообще придавать ему какое-нибудь значеніе? Отвѣтить же на всѣ эти вопросы эвдемонистическая этика не въ состояніи; не въ состояніи дать на нихъ отвѣтъ вообще наше знаніе, пока оно не выходитъ за предѣлы опыта въ общенаучномъ смыслѣ этого слова.—Во-вторыхъ, эвдемонистическая этика въ сущности и не есть настоящая этика. Въ этикѣ мы ищемъ отвѣта на вопросъ о томъ, кого мы должны считать нравственнымъ человѣкомъ и что такое нравственный долгъ. Эвдемонисты же намъ описываютъ, что такое счастье и какими средствами оно достигается. Но вѣдь быть счастливымъ человѣкомъ и быть достойнымъ человѣкомъ не одно и то же, и утвержденіе, что нравственный долгъ состоитъ въ способствованіи своему и чужому благополучію и въ приведеніи ихъ въ гармонію, игнорируетъ какъ разъ самые острые вопросы нравственнаго сознанія. Въ подобной конструкціи нравственности не хватаетъ чего-то очень важнаго, такъ какъ каждый изъ насъ не можетъ не сознавать, что слу-

женіе счастію и служеніе моральному долгу въ концѣ-концовъ вовсе не одно и то же, хотя бы носителемъ счастія объявлялось даже все человѣчество.

Вотъ почему приходится при разрѣшеніи нравственной проблемы искать новыхъ путей и стремиться къ расширенію матеріала за предѣлы тѣхъ рамокъ, которыя для него поставлены въ положительной наукѣ. Эта необходимость въ расширеніи матеріала очень начинается чувствоваться именно въ наше время нравственного кризиса мыслящаго человѣчества, который выдвинулъ на очередь пересмотръ нравственной проблемы въ самыхъ ея основаніяхъ. Съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формулировкахъ выдвигаются предложенія привлечь къ дѣлу тѣ стороны человѣческаго духа, на которыя до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія философы и моралисты. Въ значительной степени забытая философіей идея Канта о практическомъ разумѣ и основанномъ на немъ моральномъ знаніи, выражающемся въ постулатахъ нравственного сознанія, оживляется вновь. Одни говорятъ объ особаго рода интуиціи, сближаемой съ инстинктомъ и коренящейся въ самой жизни, какъ новомъ пути философскаго проникновенія, другіе предпочитаютъ говорить о присущемъ человѣку космическомъ чувствѣ, третьи выдвигаютъ на первый планъ религіозный опытъ и т. д. Во всѣхъ этихъ теченіяхъ сквозить одна общая мысль: такъ какъ нравственная проблема есть проблема всей жизни человѣка, какъ разумнаго существа, то и къ разрѣшенію ея слѣдуетъ привлечь весь матеріалъ, который даетъ человѣческая жизнь въ цѣломъ, не игнорируя при этомъ показаній нашихъ чувствъ, нашихъ волевыхъ актовъ, однимъ словомъ, ни одного изъ нашихъ переживаній. До сихъ поръ на всѣ эти данныя смотрѣли, какъ на слишкомъ субъективныя и случайныя. Настало время сдѣлать серьезную попытку, нельзя ли и изъ нихъ извлечь какое-нибудь объективное, для всѣхъ обязательное содержаніе и не получимъ ли мы здѣсь такого матеріала, который поведетъ насъ въ большія глубины нравственного сознанія,

чѣмъ какія были намъ доступны на почвѣ общенаучнаго опыта.

При этихъ условіяхъ особенный интересъ для моралиста получаютъ произведенія такихъ авторовъ, отъ которыхъ можно впередъ ожидать особенно большого богатства духовныхъ переживаній. Только тотъ можетъ развить въ себѣ интуицію, необходимую для глубокой постановки вопроса о нравственномъ долгѣ, кто живетъ возможно болѣе широко и интенсивною жизнью. Если интуиція есть голосъ самой жизни, то онъ тѣмъ слышнѣе, чѣмъ интенсивнѣе жизненные процессы, чѣмъ разностороннѣе ихъ проявленіе. Въ этомъ отношеніи, по моему убѣжденію, гораздо болѣе выгодно поставлены лица, занимающіяся искусствомъ, особенно поэты и вообще художники слова, чѣмъ ученые и философы. Кабинетный ученый уже по своему духовному складу обыкновенно не способенъ переживать ту полноту ощущеній и впечатлѣній, которая выпадаетъ на долю богато одаренной артистической натуры, да и самый образъ жизни ученаго этому не способствуетъ. Конечно, съ другой стороны, артистъ, художникъ рѣдко бываетъ надѣленъ способностью къ строгой логической систематизаціи своихъ мыслей и переживаній, а такая систематизація безусловно необходима въ этикѣ, какъ и во всякой наукѣ. Но зато только онъ можетъ познакомить систематика съ той глубиной и широтой этического опыта, которая оказывается необходимой не въ меньшей степени. Пусть самъ художникъ и не сумѣетъ привести къ логическому единству полноту своихъ нравственныхъ переживаній. Эту работу могутъ за него исполнить другіе люди. Зато онъ носитъ въ себѣ гораздо болѣе обильный источникъ нравственнаго опыта и самое его содержаніе умѣетъ передавать не только въ отвлеченныхъ формулахъ мысли, но и въ живыхъ образахъ фантазіи. А это послѣднее свойство художника въ этической области также получаетъ особую цѣнность. Дѣло въ томъ, что здѣсь намъ приходится доходить до такихъ глубокихъ и абсолютныхъ по своему содержанію идей, что

нашему дискурсивному мышленію не удастся осилить ихъ содержанія. Оно гораздо лучше выражается какимъ-нибудь символическимъ образомъ, какой-нибудь удачной метафорой, чѣмъ точнымъ логическимъ опредѣленіемъ. Конечно, для пониманія такихъ символовъ и образовъ необходимъ извѣстный внутренній опытъ и со стороны того, кто будетъ съ ними знакомиться. Человѣкъ, лишенный этого опыта, такъ же мало изъ нихъ вынесетъ, какъ слѣпой изъ описанія красокъ и цвѣтовъ. Но въ большей или меньшей степени такимъ опытомъ располагаютъ всѣ люди. Менѣе всего онъ имѣется въ наличности у чисто кабинетныхъ ученыхъ. Потому-то этическія системы, создаваемыя такими людьми, поражаютъ насъ часто своей сухостью и скудостью содержанія. Если художникъ самъ по себѣ рѣдко создаетъ разработанную этическую систему, то и не всякій систематикъ пригоденъ для обработки данныхъ нравственнаго опыта. Для этого необходимо обладать не только хорошо вышколенной логической головой, но и собственнымъ нравственнымъ опытомъ, хотя бы и не такимъ богатымъ и тонкимъ, какъ опытъ художника ¹⁾.

Подобныя соображенія привели меня уже одинъ разъ къ попыткѣ представить въ систематической формѣ нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена ²⁾. Съ тѣмъ же настроеніемъ приступаю я теперь къ изложенію этики Мориса Метерлинка. Метерлинкъ, несомнѣнно, является однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые даютъ огромный матеріалъ для построенія нравственной системы. Самъ онъ таковой не построилъ. Хотя многія изъ его произведеній имѣютъ по внѣшности характеръ какъ бы философскихъ, но на самомъ дѣлѣ они оказываются такими же произведениями искусства, какъ и драмы, и стихотворенія. Здѣсь разбросана масса художественныхъ образовъ, много тонкихъ и глубокихъ пе-

1) См. объ этомъ *Rauh*, *L'expérience morale* (2 éd. 1909). Мой „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2-е, 1913 г.), стр. 256—271.

2) См. мою книгу „Нравственная личность и общество“ (изд. Ключкова, 1911 г.), стр. 50—98.

реживаній выражено на языкѣ символовъ и метафоръ. Но никакого подобія законченной по внѣшности и логически обработанной системы здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ по общему характеру творчества нашего автора. Кому-нибудь другому приходится заняться систематизаціей, и въ настоящей статьѣ я попытаюсь посильно выполнить эту задачу. Не знаю, какое впечатлѣніе вынесетъ изъ этого опыта читатель, но меня самого эта работа надъ Метерлинкомъ обогатила массой новаго матеріала. Я многимъ былъ обязанъ Ибсену. У Метерлинка я нашелъ то, чего не было у Ибсена. Нравственное міровоззрѣніе Ибсена поражаетъ своей суровостью; отъ Ибсена вѣетъ холодомъ норвежскихъ снѣговъ и неподатливостью норвежскаго гранита. Этика Метерлинка есть этика теплой любви къ человѣку, этика, способная принести утѣшеніе въ скорбныя минуты и согрѣть человѣка, душа котораго начинаетъ охлаждать въ окружающей ледяной температурѣ человѣческаго равнодушія, рискуетъ огрубѣть въ суровой борьбѣ съ жестокой дѣйствительностью.

Я привлекаю къ рассмотрѣнію не только тѣ сочиненія Метерлинка, которыя по внѣшности имѣютъ философскую форму. Эти произведенія, конечно, положены мною въ основу моей работы. Сюда принадлежатъ: *Le trésor des humbles*, *La sagesse et la destinée*, *La vie des abeilles*, *Le temple enseveli*, *Le double jardin*, *L'intelligence des fleurs*. Но я рѣшилъ использовать также стихотворенія и драмы Метерлинка. Какъ я постараюсь показать, въ нихъ очень отразилось общее міровоззрѣніе писателя, которымъ опредѣляются не только фабулы этихъ произведеній, но даже приемы художественнаго творчества автора. Сперва я въ систематической формѣ изложу нравственное міровоззрѣніе Метерлинка, какъ оно выражено въ первой категоріи его произведеній, а затѣмъ сдѣлаю примѣненіе полученныхъ выводовъ къ объясненію его драмъ и стихотвореній, причемъ въ этой послѣдней части работы считаю болѣе цѣлесообразнымъ держаться хронологическаго приѣма,

который въ первой части удобнѣе замѣнить систематическимъ.

Главный вопросъ, который ставить себѣ Метерлинкъ, можно было бы формулировать слѣдующимъ образомъ. Какое существуетъ отношеніе между тѣмъ, что люди зовутъ судьбой, рокомъ, фатумомъ, и тѣмъ, что они именуютъ правдой, справедливостью, нравственнымъ закономъ? Вопросъ этотъ неизбѣжно возникаетъ передъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Сплошь и рядомъ намъ представляется, что между этими двумя сторонами нашей жизни существуетъ вопиющее несоотвѣтствіе. Въ жизни часто мы не можемъ усмотрѣть никакой справедливости. Здѣсь торжествуютъ люди, которыхъ мы нравственно осуждаемъ, и, напротивъ, терпятъ страданія люди, возбуждающіе полнѣйшее нравственное сочувствіе. Разнаго рода внѣшнія бѣдствія, какъ, на примѣръ, болѣзни, крайняя нищета, смерть, вторгаются въ нашу жизнь и безжалостно ее опустошаютъ, нисколько при этомъ не считаясь съ нашими представленіями о правдѣ и добрѣ. Между тѣмъ ясно, что вѣдь мы сами составляемъ только часть того міра, который посылаетъ намъ всѣ эти бѣдствія, а потому созданная нами мораль, казалось бы, не должна была такъ рѣзко расходиться съ міровыми законами вообще. Чѣмъ же объяснить замѣчаемое несоотвѣтствіе и какое слѣдуетъ намъ принять отношеніе какъ къ судьбѣ, такъ и къ человѣческой мудрости, лежащей въ основѣ морали? Философія Метерлинка, какъ и всякая философія, старается проникнуть въ тайну, окружающую человѣческое существованіе и придающую нашей жизни особую значительность. „Я думаю, говоритъ Метерлинкъ, что изученіе тайны подъ всякими ея формами есть самая благородная задача, которую можетъ передъ собой поставить нашъ духъ, и это изученіе составляетъ заботу всѣхъ людей, которые въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и философіи поднимаются надъ наблюденіемъ и воспроизведеніемъ мелкихъ фактовъ, мелкихъ реальностей и мелкихъ приобрѣтенныхъ истинъ. Они болѣе или менѣе въ

этомъ преуспѣвають, идутъ болѣе или менѣе далеко, болѣе или менѣе высоко въ томъ, что они знаютъ, въ соотвѣтствіи со степенью уваженія, которое они питаютъ къ тому, чего не знаютъ, въ соотвѣтствіи со степенью широты, которую ихъ воображеніе или ихъ интеллектъ умѣютъ придавать совокупности силъ, недоступныхъ познанію. Именно познаніе неизвѣстнаго, въ которомъ мы живемъ, даетъ нашей жизни значительность, которой она не имѣла бы, если бы мы замкнулись въ то, что мы знаемъ, или, если бы мы слишкомъ легко вѣрили, будто то, что мы знаемъ, гораздо важнѣе того, чего мы еще не знаемъ“ (Temple, 103—104).

Въ своихъ разсужденіяхъ Метерлинкъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности умалить значеніе внѣшней судьбы для человѣка и, наоборотъ, возвысить значеніе мудрости, того „погребеннаго храма“, который скрывается въ самомъ человѣкѣ и отъ котораго гораздо больше, чѣмъ отъ внѣшней судьбы, зависитъ счастье человѣка. Мы прослѣдимъ ходъ его мыслей въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего познакомимся съ представленіями Метерлинка о самой природѣ человѣка, какъ они намъ раскрыты, главнымъ образомъ, въ самомъ раннемъ изъ его философскихъ сборниковъ, озаглавленномъ „Le trésor des humbles“. Затѣмъ перейдемъ къ вопросу о судьбѣ, къ вопросу о мудрости и къ уясненію ихъ взаимнаго соотношенія.

II. Природа человѣка.

Въ своей книгѣ „Сокровище смиренныхъ“ Метерлинкъ рѣшительно становится на сторону мистицизма. Онъ заявляетъ, что „существуютъ въ человѣкѣ области болѣе плодородныя, болѣе глубокія и болѣе интересныя, чѣмъ области разума и интеллекта“ (180). Онъ внимательно изучалъ произведенія выдающихся мистиковъ; ему принадлежатъ переводы на французскій языкъ сочиненій Рюисбрѣка и Новалиса: съ его предисловіемъ вышелъ переводъ опы-

товъ Эмерсона; онъ знакомъ съ Платономъ, Платиномъ, Діонисіемъ Ареопагитомъ, Бёме, Кольриджемъ (93); большими симпатіями Метерлинка пользуется Карлейль; часто встрѣчаются у него ссылки на Марка Аврелія и даже въ Сведенборгъ и графъ Калиостро онъ видитъ личностей, заслуживающихъ большаго вниманія, чѣмъ какое имъ обыкновенно удѣляется. „Слишкомъ часто забываютъ, что вся достовѣрность заключается только въ мистикахъ. Сверхъ того, если вѣрно, какъ говорятъ, что всякій человѣкъ есть Шекспиръ въ своихъ грезахъ, то слѣдовало бы спросить, не является ли каждый человѣкъ въ своей жизни невыраженнымъ въ формулахъ мистикомъ, въ тысячу разъ болѣе трансцендентальнымъ, чѣмъ всѣ описанные словомъ. Есть ли такое дѣйствіе человѣка, послѣдняя пружина котораго не была бы мистической? И глазъ влюбленнаго или матери, напримѣръ, не въ тысячу ли разъ болѣе непонятенъ, непроницаемъ и мистиченъ, чѣмъ эта книга, въ концѣ-концовъ, бѣдная содержаніемъ и объяснимая; вѣдь всѣ книги являются только мертвыми тайнами, горизонтъ которыхъ болѣе не обновляется“. (102). Хотя, такимъ образомъ, всѣ писанія мистиковъ—ничто въ сравненіи съ подлинной человѣческой жизнью, хотя „ребенокъ, который молчитъ, въ тысячу разъ мудрѣе Марка Аврелія, который говоритъ“ (143), тѣмъ не менѣе и писательская дѣятельность мистиковъ полезна. „Если бы Маркъ Аврелій не написалъ двѣнадцати книгъ своихъ размышленій, то часть скрытыхъ въ нашемъ ребенкѣ неизвѣстныхъ сокровищъ не была бы той же самой... Возможно, что когда-нибудь откроютъ причины, по которымъ, если бы Платонъ, Сведенборгъ или Плотинъ не существовали, душа крестьянина, который ихъ не читалъ и даже никогда о нихъ не слышалъ, не была бы тѣмъ, чѣмъ она несомнѣнно является теперь. Что бы тамъ ни было, ни одна мысль никогда не теряется ни для одной души, и кто скажетъ, какія части нашей души живутъ только благодаря мыслямъ, которыя никогда не были выражены?“ (144). „Мистическія истины имѣютъ необыкновен-